

**П** О С Л Е Д Н И Й  
М А С Т Е Р  
П О Д Е Т С Т В У

6+



**МАКСИМ  
ШЛЫГИН**

# Максим Шлыгин

## Последний мастер по детству

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=27764961](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27764961)*

*SelfPub; 2021*

### Аннотация

Эта удивительная и трогательная история произошла совсем недавно, а такое ощущение, что прошла уже вечность. Отсюда уже не понять, что правда в этой выдумке, а что нет. И где заканчивается реальность и начинается сказка? Это сказка. Такая сказка, рассказанная дедушкой на ночь своим озорным внукам. А ведь он тоже когда-то был ребёнком, таким же озорным и весёлым. Но что-то случилось в его далёком голопузом детстве. Что-то бесконечно важное там потерялось и это беспокоит старика каждый прожитый день. А как вернуть потерю, если от пролетевшего детства отделяет пропасть прожитых лет?

Повесть "Последний мастер по детству" в апреле 2018 года была выбрана книжными экспертами в числе финалистов Конкурса детской и юношеской книги ЛитРес:Самиздат.

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

# Максим Шлыгин

## Последний мастер по детству

Последний мастер по детству

Максим Шлыгин

*Каждый любопытный ребёнок, кто хоть раз подглядит в Дверь Взрослых, обратно в Детство уже не вернётся. Поэтому держите эту Дверь закрытой. И как можно дольше...*

**Расскажем про начало. Дедушка**

\*\*\*

Мы ещё в пути. Папа говорит, что ехать осталось минут тридцать. Мама – что даже и того меньше. Но я и мой братишка никуда не спешим, потому что точно знаем: камня на месте уже нет. Зато часы там, тикают и больше никогда не остановятся. Ну а фотографию, если она таки сохранилась, мы спрячем.

\*\*\*

Что ж, история эта началась год назад... Аккурат прошлой

весной. Как раз перестал дуть холодный ветер из соседнего леса и уносить по ещё сырой земле дым из закопчённых деревенских труб. Где-то неподалёку звучал стук топоров – соседи потихоньку восстанавливали прохудившиеся за зиму крыши покосившихся домов. То тут, то там, перегревшись на весеннем солнышке, горланили петухи.

Родители привезли нас в деревню на первые длинные выходные. Я обожала сюда приезжать. Максим, мой брат, был такой же и вместе со мной с нетерпением ждал момента, когда же папина машина наконец закончит петлять по еловым и сосновым лесам, пробираясь вдоль озёр и ручьёв по ухабистой дороге. И вот мы в деревне!

Здесь мы с Максимкой знали каждую собаку, каждую дырку в заборе, каждую тропинку, вилявшую по деревенским холмам, и каждый укромный заброшенный сарай. Но особенно мы любили крышу. Старую соломенную крышу дедушкиного дома. Крышу, куда вела канатная лестница с деревянными дощечками. А на самом коньке дедушка прикрепил маленькую лавочку, напротив того гнезда, которое свили аисты несколько лет назад. Сидя на потрескавшейся доске на лёгком майском ветерке, мы представляли, как где-то там, из-под заснеженной верхушки далёкой Седой горы, окружённой у подножья густым хвойным лесом, вырывалась бурлящая и шумная струя водопада. В деревне его называли водопадом Желаний. Он появлялся совсем ненадолго, буквально на пару-тройку недель. А потом бесследно исчезал,

уже до следующей далёкой весны.

Считалось, что если загадать самое сокровенное желание и ночью прошептать его водопаду, то оно обязательно исполнится. Сидя на крыше, мы с Максимкой строили планы, как бы незаметно от взрослых туда добраться и рассказать водопаду всё, чего нам так хотелось. Максим наперебой перечислял список своих мальчишеских идей, широко размахивая руками. Ничего себе размерчик, нескромные у него хотелки! А вот я никак не могла придумать, чего же я больше всего хочу. Пока я думала, Максим быстро спустился с крыши и побежал носить сухие дрова из завалившейся за зиму поленницы<sup>1</sup> к пахнущей берёзовыми и дубовыми вениками низенькой бане.

Зима в этом году выдалась на редкость лютая. Дедушка даже и не помнил, чтобы такая зима вообще когда-нибудь приходила в наши края. Поговаривали, что забрала она с собой очень много стариков: бабушек и дедушек из соседних потемневших деревянных домиков, растянувшихся по обеим сторонам небольшой чистой и холодной речки.

Дед рассказывал, как когда-то в детстве, босоногими мальчишками и девчонками, они бегали на эту речку ловить раков. Варили их там же, на берегу, в старом закопчённом медном котелке с царскими печатями на боку. Этот котелок так и висел на ржавом гвозде в дедушкиной мастерской, прямо над сломанным велосипедом, со всех сторон увешанном

---

<sup>1</sup> Поленница – дрова, сложенные правильными высокими рядами.

завитками посеребривших стружек. Деда в нём подшипники за-чем-то хранил.

Прошлым летом старики любили посидеть и поболтать у дедушки в саду под яблонями. И за чаем из пыхтящего вкусным шишечным дымком старинного самовара они вспоминали, как засовывали друг дружке в портки<sup>2</sup> только что выловленных из речки раков. А потом с шумом и грохотом гонялись босиком по деревне, чтобы отплатить обидчику за пакость той же кусачей монетой.

Дедушка тогда громче всех смеялся и подливал гостям местного южного чаю в большие прозрачные стаканы, стоящие в покрытых зеленовато-серым налётом кольчугинских подстаканниках<sup>3</sup>. Ну а свойский белый клеверный мёд с дедушкиной пасеки был чем-то вроде местного липкого лакомства, к тому же очень полезного. Сладкий, кремовый, тягучий, он немножко кислил на языке и пах цветами. А по виду – что та сгущёнка!

Не шутка, но из пузатого фарфорового заварного чайничка с давно уже отколотой ручкой выливался такой крепкий и ароматный дедушкин чай, что некоторые гости разбавляли его кипятком по несколько раз. Я, помню, попробовала у них этого чайку: горький, терпкий, горячий. Не моё совсем, и язык обожгла. Как они вообще его пьют?! Мёд гораз-

---

<sup>2</sup> Портки – то же, что штаны.

<sup>3</sup> Кольчугинские подстаканники – подстаканники, произведённые на знаменитом Кольчугинском заводе. Многие из нас видели такие в российских поездах.

до вкуснее. Дедушка, помню, смеялся.

Но теперь он был какой-то странный, не такой, как всегда. Плюс ещё и это...

Нет, нет, не подумайте, я не специально, как-то само так получилось.

Дедушка сидел на кухне за столом и чего-то бормотал себе под нос. Я не подслушивала, нет. Я просто лежала на ещё тёплой просторной белой печке и рассматривала картинку старой потрёпанной книжки. Сидела и, немного, совсем чуть-чуть прислонив ухо к стенке, читала и щёлкала засушенными на печных кирпичках семечками. В этом же нет ничего необычного, правильно: семечки во рту, а ушки греют на макушке. Как вдруг мне отчётливо послышались непонятные слова дедушки, которые меня и удивили, и озадачили.

– Зима, зима... – бубнил он себе под нос. – Забираешь ты нас потихоньку... Знать, и мне близко. Ты думаешь, я не смекаю<sup>4</sup>? Что ты. Отнюдь. Но видишь, сколько дел? Мне много-то не надо, внучат порадовать хочу. Я ж рядом с ними молодею, душой отдыхаю. Ты не по своей воле, тоже знаю. Они Хозяйки, когда скажут, тогда и придёшь. А я кто? Так, мастер простой, не тягаться мне с ними. Да и кукушки уже молчат... Ладно, где наша не пропадала. Сколько бы ни было ещё, и на том спасибо, – дедушка бодро хмыкнул в свою густую седую бороду и, невозмутимо насвистывая простень-

---

<sup>4</sup> Смекать – догадываться о чём-л.; понимать, соображать.

кий мотивчик, отправился топить баню.

Сидя на крыше, глаза на водопад Желаний и вспоминая его странные слова, я не сразу услышала, как закрипела коваными петлями деревянная дверь. На улицу, осторожно опираясь на деревянные перила из жердин, в залатанной овечьей безрукавке, простой деревенской льняной рубахе, штанах и дырявых разношенных валенках, вышел дедушка.

– Эй, озорница, ты опять на крышу влезла?! – прокричал он с порога.

– Ага! Сижу тут дом сторожу, – озорно ответила я.

– А-а-а. Ворон отгоняешь аль комаров с мухами?! Смотри не брякнись оттудова! – так же озорно ответил дедушка и добавил: – Слазь давай, сторожила, идём чай пить. Максимка здесь уже, ждём тебя!

Я спустилась с крыши. Но перед тем, как поспешить на чаепитие, решила сделать ещё одно доброе и полезное дело. И пошла в дедушкин курятник. Куры ходили вокруг него на улице и, недовольно кудахча в мою сторону, что-то клевали с утоптанной гладкой площадки. На недоброе ворчание кур, как заправский воевода, отреагировал красивый тёмно-коричневый петух с красными и местами огненно-оранжевыми доспехами перьев. Он распушил хвост, приподнял крылья и так раздвинул пёрышки, что стал казаться раза в три больше обычного. Не ахти, конечно, какой рыцарь, но своего рода Кур Кихот.

В таком грозном виде он направился мне навстречу, бди-

тельно контролируя доступ к яичнице. Но вопреки всем его стараниям я ловко проскочила в курятник и захлопнула за собой сетчатую дверь, показав крылатому контролёру вместо билетика обидную рожицу и длинный язык. И пока ошарашенный моей наглой выходкой защитник несушек яростно подпрыгивал вдоль закрытой двери, я с превеликим удовольствием засовывала руку на верх насеста, шарила там за жёрдочками и доставала из сена ещё тёплые, только что снесённые белые и рыжие яички. Насобирав их в подол с десятков, я с улыбкой оглядела собранный пёстрый урожай и прошмыгнула через узенькую внутреннюю дверцу из курятника в дедушкину мастерскую.

Вы знаете, у моего дедушки были золотые руки. В его старенькой, но просторной и светлой мастерской хранилось бесчисленное множество необычных ремесленных инструментов и прочей всячины. От всевозможных железячек и дровяшек до камней, ремней и другой, на первый взгляд абсолютно бесполезной, пыльной ерунды. В углу, рядом со столлярным станком, на большом корявом дубовом пне, непонятно зачем здесь оказавшемся, даже лежал потемневший от старости кусок древнющего бивня. На стенах висели топоры различных размеров, ножи, напильники, ключи; на полках стояли какие-то запывлившиеся пузырьки и бутылочки, а над потолком висели лубяные корзины и сверкающие в пробивающих дырки в крыше солнечных лучиках верши<sup>5</sup>

---

<sup>5</sup> Верша – рыболовная снасть в виде корзины конической формы с узким вхо-

из новенькой медной проволоки.

Дедушка мастерил всё. От колечек и бус до мебели и запчастей к его старому, но ещё рабочему трактору.

Этот старый дедушкин трактор был для нас с Максимкой чем-то сверхъестественным, завораживающим и до невозможности манящим. Сидя в сварочных круглых очках за тонким, но широким рулевым колесом этой маленькой красной тарахтелки без кабины, с большим, проржавевшем местами хромированным радиатором, Максим выглядел как заправский гонщик первой в истории деревенской «Формулы-1». А я, в белом ажурном платке, сделанном из куса кружевной занавески, вполне могла сойти за настоящую сельскую леди.

А как горели у нас глаза и расплывались в счастливых улыбках лица, когда дедушка доставал из мастерской какую-то кривую кочергу, вставлял её под ржавый радиатор и начинал раскручивать, заставляя старенький моторчик трактора нехотя, с треском и шумом, чихами и скрежетом, но всё же заводиться! Это было непередаваемое ощущение: дедушка, поочерёдно сажая к себе на колени за руль, катал нас с ветерком по разбитой дороге колхозного поля. И лишь когда старенький оранжевый кукурузник местного председателя начинал низенько и назойливо летать над нашим трактором, покачивая своими крыльями, как бы грозя «ай-ай-ай!», дедушка недовольно подавал громкий сигнал паровоз-

ным гудком и поворачивал домой, оставляя этот, как он говорил, «саранчовый опрыскиватель», в плотных клубках дорожной пыли.

Из мастерской в дом вела деревянная дверь, целиком сделанная из одной здоровенной доски старого дуба и висевшая на широких кованых петлях. Местами она осыпалась, сучки из неё повывлетали, но при этом она была настолько тяжёлая, что никак не хотела открываться, как я ни старалась. Через окно было видно, как по улице, недовольно ворча, ходил туда-сюда яркий петушиный хвост. Туда мне было ну никак нельзя. А посему надо было-таки заставить эту дубовую штуку открыться во что бы то ни стало. Я дёрнула за ручку ещё раз. Потом ещё и ещё. Но дверь плотно пристала к коробке и словно проросла в неё своими дубовыми корнями. Поняв, что шансов её открыть у меня немного, я уже хотела заплакать и начать звать на помощь, как вдруг послышались быстрые шлёпающие шаги. Кто-то попытался зайти в мастерскую из дома, а когда дверь не поддалась с первого раза, раздался грохот удара и она, отлетев в сторону, широко распахнулась. На пороге, потирая ногу, стоял удивлённый Максим, наверное не ожидавший меня здесь увидеть.

– Ой, напугала, даже мурашки побежали! – вскрикнул он. – Ты что тут химичишь?

– Что, что, смотри сюда! – и я показала Максимке свой яичный сбор. – Тут штук десять, ещё тёпленькие!

– Ого, вкусняха какая, ничего себе! Неси их в дом, а я

сейчас чугунок найду и тоже приду. Дедушка сказал, что он где-то здесь валяется. Картошку-нелупешку вечером в печке запекать будем. Солдатскую, в мундире!

– Давай ты быстренько его найдёшь, а я дверь подержу? С этой стороны её вообще не открыть, – наученная горьким опытом, предложила я. – А через улицу я бы пока ходить не советовала, – и показала на торчащий под окном огненно-рыжий петушиный хвост.

– А-а-а, старый знакомый, Кукарекидзе! Не дощипал я тебе пёрышки в прошлом году. Опять задираешься?! Ну-ка, птичка, иди-ка ты сюды...

И Максим, вскочив на подоконник, потянулся рукой в приоткрытую оконную створку. А уже через мгновение гордо сжимал в руке хвост задиристого петуха. Недовольная царственная пернатая особа, не ожидавшая такого наглого и вероломного нападения на самый ценный и красивый участок оперения, громко закукарекала, но поперхнулась от обиды.

– Ну что, попался, голубь ты мой босоногий! – победно воскликнул Максим. – Ты опять тут самый широкий ходишь? Ишь, раздулся как, от куриной своей важности. Сейчас пересчитаю тебе пёрышки, все ли на месте?!

На этих словах в коридоре послышались тяжёлые шаги. Скрипя половицами и кряхтя, кто-то шёл в мастерскую.

– Максим, дедушка! – крикнула я брату.

Состроив огорчённую гримасу, Максим мигом выпустил

петушиный хвост и прыгнул с подоконника на дощатый пол. Мне было видно, как хвост быстро удалялся от окна во-свояси, сопровождая отступление колкими куриными ругательствами. В этот момент ко мне подошёл дедушка и заглянул в мастерскую.

– Внучики, вы что тут возитесь? Чугунок найти не можете, что ли? Дак вот же он, на ящике стоит, – и дедушка показал Максиму на стоящий у стены жестяной ящик, на котором красовался чёрный от копоти чугунок. – Бери его, бери ухват и пошли уже, чай стынет. Что-то петух сегодня раскричался, к дождю, похоже...

– Ага, точно-точно, дедушка, к дождю! – совершенно искренне поддакнул Максим.

Схватив чугунок с ухватом и прошмыгнув между мной и дедушкой в дверь, он как ни в чём ни бывало гордо пошёл – пал в разношенных дырявых тапках по истёртому вязаному половику прямо на кухню.

Один – ноль в его пользу. Вот выражуля<sup>6</sup>-то растёт!

– Дедушка, смотри, чего я насобираала, – и я приоткрыла подол. – А ты сваришь мне вот эти два рыженьких в мешочек?

Посмотрев на мой улов, дед улыбнулся и, утвердительно подмигнув, взял меня за руку и повёл на кухню, откуда уже раздавался подозрительный шорох. Похоже, Максим шнырил по дедушкиным ящичкам в поисках шоколадных кон-

---

<sup>6</sup> Выбразуля – воображуля.

фет. А он уж если чего-нибудь вкусенькое найдёт, то наверняка же со мной поделится! По-братски, как говорится.

На кухне было тепло и вкусно пахло растопленной печкой, в которой, потрескивая, горели большие берёзовые поленья, заставляя яркие искорки иногда пробиваться через щёлку в печной полукруглой приставной дверце. От мазанной известью, местами основательно подкопчённой печки исходили такие приятные теплота и уют, что как-то само собой хотелось поскорее залезть на неё, укрыться лоскутным одеялком, пригреться там и крепко-крепко уснуть. Так я и делала, да не раз.

– Эй, шныра первостатейная, а ты чего там хочешь выведать? – спросил дедушка у Максима, который уже почти полностью, с ногами, торчал из сундука.

– Деда, спокойно! Это происходит разведка на местности. Местность местами незнакомая, приходится прочёсывать каждый уголок, – раздался задорный голос Максима со дна ящика.

– Слышь, будь ласка, вылезай ужо, любопытная варвара! Вынюхивает он тут мои уголки. Разведка окончена, вас обнаружили. Достаём паспорта, будем знакомиться, – парировал дедушка и добавил: – Шныра ты отличная, а вот разведчик – никудышный. Конфеты у меня в другом месте. Вылазь, тебе говорю!

Дедушка протянул руку к верхнему шкафчику и достал из него горсть шоколадных конфет с мишками, которые си-

дели на большом стволе поваленной ветром сосны. Мишки выглядели очень даже заманчиво.

– Вам столько хватит, сладёны?! – спросил дедушка, высыпая горсть конфет в вазу, стоявшую в центре круглого стола, где уже очень аппетитно лежали сушки-баранки и свежие сливочные вафли.

– Конечно же... Конечно же, не хватит! – шутливо ответил Максим и громко чихнул, вылезая из пыльного сундука. Довынюхивался. – Но для начала, так и быть, сойдёт.

– Тогда, сударь и сударыня, прошу к столу. Сейчас мы посмотрим, сколько может съесть обычный маленький, но весьма и весьма прожорливый городской ребенок на свежем воздухе! – весело ответил дедушка, сажая нас поудобнее на мягкие простроченные подушечки, постеленные поверх деревянных табуреток.

Распивая ароматные дедушкины чаи, мы соревновались, в кого больше влезет. Максимка так набросился на конфеты, что после первой же съеденной был перемазан в шоколаде, как заправский геолог, только что добурившийся до нефти. Засовывая их в рот одну за другой, он мотал ногами с абсолютно невозмутимым и довольным видом, ещё больше размазывая рукой по лицу этот тягучий шоколадный битум счастья. Свинтус, одно слово.

А я точно знала, чего хочу, и это был никак не шоколад. Это были вафли! Берёшь вафельку, отламываешь от неё одну пластинку и слизываешь сливочную начинку языком, как

с мороженки. А потом хрустящую плиточку в рот – и запи-  
ваешь сладким медовым чаем. И так – пластинку за пластин-  
кой. Ням-ням. Можно и пальчики облизать.

Дедушка смеялся над нами и всё время как-нибудь под-  
шучивал. Так мы и чаёвничали, смеясь и хохоча, рядом с  
тёплой печкой, болтая ногами на высоких табуретках. А за  
окном и правда собирались тучи.

И вдруг, когда дедушка в очередной раз подливал себе ки-  
пяточек, Максим ни с того ни с сего спросил с набитым ртом:  
– Дедушка, а пощему люди штареют? Вот был щеловек  
молодой и бац – поштарел. Пощему так?

Дедушка взглянул на Максима и перестал улыбаться. Мне  
показалось, что вопрос брата застал его врасплох. За окном  
прогремел раскат весеннего грома, и его лицо вдруг стало  
серьёзным и каким-то немного грустным. Отставив на стол  
чайник, дед взял Максимку и меня на руки, посадил к себе  
на колени и как-то загадочно сказал:

– Почему люди стареют, спрашиваешь? Хороший вопрос.  
А вы правда не знаете?

Мы искренне завертели головами, показывая дедушке,  
что мы совершенно ничегошеньки не понимаем в этой теме.

– Ну что ж, раз вы сами задали этот вопрос, значит, вы  
уже достаточно взрослые, чтобы узнать ответ. Но это длин-  
ная и серьёзная история. Я, пожалуй, начну её вам рассказы-  
вать после ужина, на ночь. Добро<sup>7</sup>? – спросил дедушка и по-

---

<sup>7</sup> Добро – здесь: ладно, хорошо.

смотрел нам в глаза с таким добрым и просящим видом, что, пусть нам и было до жути интересно, мы согласились. Хотя это и нечестно: дети ждать не умеют, не детское это дело.

– Хорошо, значит, вечером вместо сказки и потолкуем. А сейчас мы с вами немного отдохнём и пойдём мыться в баню! – повеселев, произнёс дедушка. – Так что бегите пока, вещи свои чистые собирайте. А я пойду веники замочу и тазики достану.

Поставив нас с Максимом на пол и потрепав по затылкам, он пошёл, подкашливая, делать последние приготовления в уже натопленной бане. И опять я услышала, как, уходя, он бубнил себе под нос что-то непонятное про какое-то безжалостное время...

## **Расскажем дальше. Белая вишня**

Мы очень любили слушать дедушкины сказки. Откуда он их вычитывал – было абсолютно непонятно. Но они были совершенно не похожи ни на одну из тех историй, которыми забиты книжные полки нашей городской квартиры в панельной многоэтажке. И были они такими настоящими и захватывающими, что, возвращаясь после лета домой, мы ещё очень долго не притрагивались к купленным в избытке обычным книжкам. А самое главное, и, наверное, в этом-то и было всё дело – в дедушкиных сказках героями были мы сами. Максимка да я.

И в какие только передраги мы не попадали, слушая рассказ и покрываясь тревожными мурашками под своими тёплыми одеялами! И какие только чудища и злюки нас с Максимкой не пытались атаковать, разлучить и победить! А вот фи-гуш-ки! В итоге все они ближе к концу историй получали от наших героев по всем своим вредным заслугам. А когда дедушка рассказывал нам, какими именно способами мы восстанавливали нарушенную справедливость, то мы могли дохохотаться не только до громкой икоты, но и, не удержавшись, даже... Ну да ладно, это не важно. А важно то, что теперь вы можете себе представить, как нам не терпелось, чтобы поскорее наступил этот вечер и зазвучал долгожданный дедушкин рассказ.

Обливаясь после парилки тёплой водой из погнутых местами жестяных ковшичков, мы с братом пытались придумать различные причины старения людей. Стареют, потому что телевизор много смотрят. Стареют, потому что на работе постоянно пропадают. Стареют, потому что каши мало едят. Но самую, на мой взгляд, смешную версию предложил Максим.

– Стареют, потому что перестают мыться детским мылом! – прокричал он сквозь шум воды, взбил мыльную пену в тазике и прилепил её к себе на бороду, брови и голову. Седой ребёнок!

– Дедушка! Смотри, какой я дедушка! – кочевряжась, кричал Максим, бегая от меня по помывочной комнатке до

тех пор, пока дед не остановил эту кутерьму, вылив на нас обоих большой ушат холодной воды.

– А-а-а, холодно! Холодно! – завопили мы в один голос и побежали в парилку греться на влажной горячей соломе, разложенной дедушкой на полках под тоненькими льняными простынями.

Напарившись свежими душистыми вениками и намавившись до скрипа ароматным щипучим мылом, мы, закутанные до носов в мягкие банные полотенца, были отнесены в дом и десантированы сохнуть на печку, пока дедушка ходил мыться сам и прибираться в бане. Немного обсохнув и накинув чистую длинную футболку с котятами, я спрыгнула с печки в свои ушастые тапки и решила в неё заглянуть. Через щёлку в створке было видно стоящий в уголке чугунок с пекущейся рассыпчатой картошечкой, которую так и норовили облизнуть языки пламени, прорывающиеся раз за разом из почерневших и потрескавшихся от жара головешек. Яркие угольки то немного затухали, то вновь вспыхивали, освещая оранжевыми вспышками широкий арочный свод кирпичной топки. Зрелище, надо сказать, завораживающее, какое-то колдовское даже. Смотреть можно бесконечно, как семечки лущить. Ох, а если и смотреть, и грызть...

За окном снова раздался крик петуха, только на этот раз уже какой-то не воинственный. Видимо, по дороге из бани дедушка пошёл загонять кур в курятник, а петух, весь день копивший свою птичью обиду, словно решил в итоге наябед-

ничать ему на проказников-внуков.

Я закрыла глаза и отвернулась от печки. Иначе так бы и продолжала туда пялиться. Ступени крыльца закрипели, и в дом вошёл краснощёкий и довольный дедушка.

– Ну что, проголодались, поди, после баньки-то?! Небось, уже проскочили через вас ваши конфетки. А ну, ребятня, марш за стол, сейчас ужинать будем.

Уже через несколько минут на дедушкином столе красовалась печёная румяная картошечка, глиняная крынка<sup>8</sup> с парным молоком, ещё тёплый деревенский хлеб и собранные мною яички, сваренные, как я люблю, – в мешочек. Дедушка поставил на стол солонку с крупной, немного сероватой солью и, разлив по кружкам молока, стал чистить нам с Максимом горячее картофельное лакомство, то и дело катая жгучие клубни в ладонях и изо всех сил на них дуя. А ещё почему-то хватаясь за уши. Я взяла два яичка и стукнула их друг о друга острыми концами. Потрескалось то, что было в левой руке. С него я и начала, чуть-чуть макнув кончиком в солонку.

– Дедушка, а сколько тебе лет? – спросил Максим.

– А как ты думаешь? – ответил вопросом дед.

– Ну не знаю... – задумчиво протянул Максим, запихивая в рот половину ещё горячей картофелины. – Ты шедой, но не лышый, жначит, тебе ещё нету шта лет.

Дедушка засмеялся, поцеловал Максима в чистую после

---

<sup>8</sup> Крынка – глиняный горшок для молока.

бани макушку, прямо в самый центр его пышной копны из золотистых локонов, и спросил:

– А если бы я был лысый и седой, что тогда?

– Тогда ты был бы дед за сто лет! А может быть, и за все тысячу, наверное. Ну, короче, очень старый... – на полном серьёзе ответил Максим, жуя картофелину и не понимая, почему дедушку так развеселил его вопрос.

– Ну ты загнул, тысячу! – недоверчиво произнёс дед. – Столько же дедушки не живут!

– А сколько живут? – спросила я.

– Обычно меньше, внученька, – ответил он, нежно посмотрев на меня.

– А ты сколько будешь жить? – спросила я и под села к деду на коленку.

– Сложно сказать, внученька... Мне никто не говорил же. Но я вам обещаю, что постараюсь жить как можно дольше, – и он крепко обнял меня и подошедшего Максима.

– А я хочу, чтобы ты жил всегда, – глядя в дедушкины глаза, твёрдо сказал Максим. – Де-да, все-гда!

– Ну что же, дорогие мои, если вы оба так сильно этого хотите и просите меня, то я обещаю вам, что постараюсь убедить Хозяек Времени вернуть мне его капельку или хотя бы не забирать у меня то, что ещё осталось, как можно дольше, – ответил дед.

Но меня это совершенно не устроило.

– Кто такие Хозяйки Времени? – взволнованно спросила

я. – И как они посмели у тебя его забирать?!

– Да, это ещё кто такие? – грозно повторил вопрос Максим. – Да я их за уши поймаю и на Луну выкину. Ишь, моду взяли, у деды моего чего-то отнимать!

– Так, малышня, доедаем ужин, умываемся – и живо по кроватям! – сказал дедушка, спуская нас на пол и вставая. – Я же вам обещал рассказать историю после ужина. Так что жду вас в постелях через десять минут. У матросов вопросы остались?!

Энергично дожевывая остатки на столе, мы помчались к умывальнику и уже минут через пять лежали под одеялами в своих мягких пижамах. Я вытащила из подушки торчащее белое гусиное пёрышко и рассматривала его, крутя в пальцах. Дедушка погасил свет на кухне, зашёл в нашу комнату и сел на шаткую табуреточку между нашими кроватями. Было заметно, что он немного волновался.

Обычно дедушка рассказывал нам истории без книжек, как будто все сказки хранились у него в голове на специальных полочках. Но на этот раз он принёс с собой старый и немного пыльный альбом, на обложке которого виднелась чёрно-белая фотография какого-то светловолосого мальчика на маленьком трёхколёсном велосипеде. Когда дедушка стряхнул с альбома пыльный налёт, я взглянула на снимок повнимательнее и поймала себя на ощущении, что мальчик смотрит прямо на меня, глаза в глаза.

Я пригляделась. Круглое милашное личико с тёмны-

ми, воспалёнными от чего-то щёчками источало какое-то необычно глубокое детское спокойствие и умиротворение. Огромные серые глаза смотрели куда-то в глубь меня, словно изучая самые далёкие уголки моей души с абсолютно детской непосредственностью. На нижних ресничках левого глазика что-то поблёскивало. То ли это была маленькая невысохшая слёзка, то ли просто дефект старой фотографии, трудно было разобрать. Дедушка положил альбом рядышком с моей подушкой, накрыл нас получше одеялками и подоткнул их под нас, как он всегда это делал, со всех сторон. Стало очень мягко, тепло и уютно. Сев обратно на табурет, он надел потускневшие от времени очки со сломанным ушком, перемотанным изолентой, потом надел ещё одни, такие же старые, поверх первых и тихонько начал.

– Я хочу вам рассказать историю одного маленького-маленького мальчика, который жил здесь много-премного лет тому назад. Вот он, смотрит на вас с фотографии. Знакомьтесь. Как вы, наверное, уже догадались, это ваш дедушка, в далёком детстве. Да-да, Максимка, это я. Тот ещё пострелёнок и шныра.

Максим вылез из-под одеяла, сел на краешек кровати и, взглянув на фотографию поближе, удивлённо сказал:

– Какой упитанный карапуз. Дедушка, это что, правда ты?!

– Ага, я, собственной персоной, – мягко улыбнувшись, ответил дедушка.

– Сколько же тебе здесь лет?

– Я уже не помню, внучек. Наверное, даже поменьше, чем тебе сейчас.

– Велик у тебя какой старинный, никогда таких не видел, – добавил Максим, разглядывая крошечный велосипедик с непривычно тонкой рамой и такими же тонкими колёсиками. – А где он сейчас?

– Там же, где и этот мальчик, – ответил дедушка, погладив Максима по белокурым завитушкам волос. – В моём далёком детстве.

– А почему этот мальчик так грустно на меня смотрит? – приглядевшись к снимку, спросил Максим. – Он что, плакал?

– Не думаю. Мне кажется, он просто спокойный здесь, – ответил дедушка задумавшись. – Он вообще был очень спокойный, даже когда болел или озорничал. Странно, но у меня действительно нет фотографий, где бы он улыбался, – дед быстро пролистал страницы альбома, вглядываясь в выражения детского личика на старых снимках. – Но скорее всего, это потому, что тогда фотографа надо было специально приглашать. Вот представь, приходит к тебе совершенно незнакомый дядя с фотоаппаратом и пытается тебя сфотографировать. Наверное, мне просто не очень нравились незнакомые дяди, – добавил дедушка с улыбкой.

И действительно, разглядывая вместе с братом странички альбома, я не нашла ни одной фотографии, где бы мальчик

улыбался. А дедушка между тем продолжал:

– Как-то раз со мной произошёл необычный и удивительный случай. Диковинный даже. Случай, который изменил всю мою дальнейшую жизнь. О нём я и хочу вам рассказать. Вы готовы? Потихе мотайте головами, а то отвалятся, – подшутил он. – Ну, тогда начнём.

Дедушка подложил себе на табурет ещё одну подушечку, уселся поудобнее и начал рассказ.

– Как-то раз, давно очень, мы с друзьями, кстати такими же неуёмными пострелятами, как вы, решили залезть в соседский сад. Зачем? А там созрела крупная и вкусная белая вишня. Смешно вспомнить, но тогда у каждого в саду росли и вишни с черешней, и яблони с персиками, и крыжовник с виноградом, и тутовник – всё что угодно. Однако мне почему-то казалось, что самые вкусные ягоды росли именно на чужих огородах.

– Деда, я тебя понимаю, – мечтательно прошептал Максим. – Завтра полезу к соседу. Там черешня ранняя, обсыпная...

– Вот-вот, в этом-то всё и дело. Соседское – оно же самое вкусное, так глаза говорят. Да к тому же белая войлочная вишня созревает обычно чуть пораньше красной, во всяком случае в том году так было. И она росла, насколько я помню, только там, на соседнем участке, куда доступ босоногим сладкоежкам был строго запрещён. Мы так и ходили, заглядывая между жердей на соседскую вишню и облизыва-

ясь, пока как-то раз всё-таки не решились туда пробраться. Дело было ближе к вечеру. Мы возвращались с рыбалки с удочками и вёдрами, где в чистой речной воде поблёскивали чешуйками только что выловленные окушки<sup>9</sup>

---

<sup>9</sup> Окушки – окуни.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.